

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:316.42

Д. Ю. Густякова, Н. А. Дидковская, Е. А. Шахова

Личность в современной российской провинции: приоритеты и перспективы

Выполнено по гранту РГНФ 14-03-18002

В статье представлен анализ интервью, полученных в рамках научно-исследовательской работы по теме «Человек в современной российской провинции (социокультурное исследование приоритетов и перспектив)», осуществляемой Научно-образовательным центром ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». Параллельно с интервьюированием, в рамках той же научной темы, проводилось анкетирование, что позволило комплексно подойти к анализу приоритетов и перспектив личности в современной российской провинции. Выбор респондентов осуществлялся с учетом личностных особенностей и профессионального статуса интервьюируемых. В интервью приняли участие жители провинции – ведущие представители наиболее репрезентативных для многих российских регионов сфер профессиональной деятельности, без которых Россия вообще и российская провинция в частности не могли бы быть идентифицированы как таковые: образование, здравоохранение, культура и СМИ. Социокультурное исследование базировалось на сложившихся в коллективе НОЦ принципах интервьюирования, связанных с проведением беседы и оформлением записи. Отзывчивость и доверительная тональность бесед, пропорциональное сочетание в ответах героев объективных конструктивно-аналитических высказываний и субъективных эмоционально-личностных реакций позволило сделать ряд нетривиальных наблюдений и новых выводов.

Ключевые слова: Россия, современная провинция, житель провинции, личность, приоритеты и перспективы, интервью, репрезентативные результаты.

D. Ju. Gustyakova, N. A. Didkovskaya, E. A. Shakhova

Personality in the Contemporary Russian Province: Priorities and Prospects

The analysis of the interview received within the research work on the subject "The Person in the Modern Russian Province (a Sociocultural Research of Priorities and Prospects)" which is carried out by the Scientific and educational center of FSBEI HPE "Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky" is presented in the article. Simultaneously with interviewing, within the same scientific subject, questioning was carried out that allowed to regard in a complex the analysis of priorities and prospects of the personality in the modern Russian province. The choice of respondents was made with taking into account personal features and the professional status of interviewees. Inhabitants of the province took part in questioning – leading representatives of the most representative spheres of the professional activity for many Russian regions without which Russia in general and the Russian province in particular couldn't be identified, they are: education, health care, culture and mass media. The sociocultural research was based on the principles of interviewing which developed in the Scientific and educational center collective concerning conversation and registration of record. Responsiveness and confidential tonality of conversations, a proportional combination in answers of heroes of objective constructive and analytical statements and subjective emotional and personal reactions allowed to make a number of uncommon supervision and new conclusions.

Keywords: Russia, a modern province, a resident of the province, a personality, priorities and perspectives, interviews, representative results.

В рамках научно-исследовательской работы по теме «Человек в современной российской провинции (социокультурное исследование приоритетов и перспектив)», осуществляемой Научно-образовательным центром ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», было проведено интервьюирование.

При определении проблемного поля исследования учитывалась необходимость взаимной корреляции опросных материалов интервью с опросными материалами анкетирования, которое проводилось параллельно с интервьюированием, что позволило комплексно подойти к анализу современной российской провинции как с точки зрения индивидуального дискурса, представленного в данной статье, так и с точки зрения коллективного дис-

курса, представленного в статье «Приоритеты и перспективы человека в современной российской провинции по материалам социокультурного исследования» (авторы Н. Н. Летина, А. В. Еремин, В. А. Шапошников), публикуемой вместе с настоящим материалом.

В ходе данного исследования принимался во внимание имеющийся у коллектива Научно-образовательного центра ЯГПУ опыт, полученный, в частности, в ходе работы по теме «Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах» (2012–2013 гг.) [см. 1; 3]. В частности, выбор респондентов для данного социокультурного исследования, как и прежде, осуществлялся с учетом личностных особенностей, предполагающих готовность к сотрудничеству, следование традиции профессионально-

го взаимодействия. Также имелся в виду профессиональный статус, подразумевающий авторитет и признание респондентов, являющихся репрезентативными фигурами в своей профессиональной сфере, как в регионе, так и, в некоторых случаях, за его пределами. При формировании круга респондентов, естественно, учитывалась такая важная психологическая особенность, как способность личности к саморефлексии и социокультурной рефлексии. В интервью приняли участие М. А. Аннамамедов, С. Ю. Ахметдинова, А. А. Голицын, С. Г. Дильмухаметова, Д. В. Завьялов, Д. Ю. Иванов, Т. Н. Николаева, М. А. Нянковский, Е. А. Резчикова, Е. Н. Сурова, А. В. Хатюхина.

Помимо субъективных качеств, принцип отбора респондентов включал и объективные аспекты. Во-первых, в интервью принимали участие жители и, чаще всего, уроженцы провинции, которые свою карьеру делали и делают в провинции. Из 11 человек, принявших участие в опросе, только 1 указал местом рождения Москву, добавив, что в XX в. Москва *«вроде как столица, но еще и Санкт-Петербург надо иметь в виду»*, и прокомментировал: *«в каждой провинции есть своя столица, <...> судя по тому, что доходит до моего сознания по театрально-концертной жизни Москвы, она становится провинцией по отношению к нам, выхолащивается академическое содержание, <...> таким образом, комплекс провинциала мне не присущ»*. Здесь следует отметить, что аналогичные векторы рассуждений и об условности дихотомии «столица-провинция», и о самоощущении личности в провинции отмечались почти у всех интервьюируемых. Во-вторых, отбор проводился с учетом сфер, наиболее репрезентативных для многих российских регионов, с их депрессивной экономикой и ориентированными на столицу бизнесом и финансами. Именно поэтому в интервью приняли участие ведущие представители тех сфер профессиональной деятельности Ярославля и Ярославской области, без которых Россия вообще и российская провинция в частности не могут быть идентифицированы как таковые: образование (3 респондента), здравоохранение (2 респондента), культура (4 респондента) и СМИ (2 респондента). Вполне закономерно, что векторы рассуждений респондентов были детерминированы их профессиональной принадлежностью.

Наше социокультурное исследование базировалось на сложившихся в коллективе НОЦ принципах интервьюирования, связанных с проведением беседы и оформлением записи: беседа проводится в условиях, избираемых респондентами, чаще всего, в условиях их служебной деятельности; фиксируется с помощью звукозаписывающей аппаратуры; расшифровывается и авторизуется. Но – что особенно важно – интервьюеры уже знакомы с респондентами, иногда знакомы давно, имеют опыт общения, что способствует доверительности, отсутствию формализованных вопросов и осторожных, абстрактных ответов. Названная особенность проведения интервью выражается и в оригинальной, индивидуальной форме записи полученных материалов, где могут быть отражены вопросы-ответы в их традиционном соотношении, а может быть представлен текст, называемый в журналистике «портретом с элементами

интервью» (например, у Е. А. Шаховой), или специфическая перефразировка вопросов в зависимости от конкретного собеседника и, прежде всего, сферы его профессиональной деятельности (например, в материалах Н. А. Дидковской). Иными словами, интервью раскрывают не только мир респондента, но и мир интервьюера, таким образом, появляется дополнительный объем и ракурс, расширяется информативный спектр материала.

В соответствии с исследовательскими традициями, сложившимися в НОЦ, опросные материалы, наряду с информацией о направлении социокультурного исследования, заранее были предложены героям. Также им было предоставлено право выбора наиболее интересных и актуальных, с их точки зрения, вопросов. Из 11 респондентов 5 предпочли соблюсти точность и определенность интервью и отвечать на вопросы ровно в том виде и последовательности, как это представлено в опросных материалах. Остальные 6 человек, воспользовавшись правом выбора, реализовали творческий подход к беседе, вследствие чего в текстах этих интервью изменен порядок и представлены ответы не на все вопросы. Вместе с тем, данные материалы способствуют расширению исследовательского контекста, так как в них наличествуют развернутые высказывания и эмоционально окрашенные рассуждения героев на интересующие их темы.

Анализ материалов интервью в соответствии с опросными текстами

Какие информационные ресурсы Вы предпочитаете или используете чаще всего – традиционные или инновационные? При ответе на этот вопрос размышления шли по двум направлениям: получение информации и информирование о своей деятельности.

Большинство респондентов обращаются за информацией делового характера к инновационным ресурсам, в первую очередь к интернету, используя поисковые системы и иные справочные ресурсы, социальные сети и профессиональные сообщества. Это закономерно, учитывая темпоритм жизни и важность оперативно получаемой и передаваемой информации: интернет – средство, которое отвечает запросам современного профессионала, работающего как в столице, так и в провинции. Однако в приватном пространстве респонденты обращаются к иным ресурсам: *«Предпочитаю я традиционные, а использую инновационные. Традиционные ресурсы – это то, что я формирую, это моя личная домашняя библиотека, она постоянно пополняется, это некая опора для саморазвития. А электронные ресурсы – это информационная база моей работы»*; *«В своей обычной жизни я предпочитаю книги, для общения в профессиональной сфере – интернет»*. Наверное, ожидаемо, что представители старшего поколения чаще говорили о «золотой середине» между традиционными и инновационными информационными ресурсами и признавались в слабом владении новыми информационно-коммуникационными технологиями, аргументируя это и неудовлетворительным качеством информации, и тем, что это затратно по времени и «сильно увлекает»: *«Я себя пресек в моем развитии и постижении виртуальной части <...> Мне не хочется, чтобы мне там было хорошо»*.

В размышлениях героев о позиционировании деятельности в информационном пространстве провинциального города также пересекались две линии. С одной стороны, важными, особенно в сфере культуры, библиотечного дела, признавались новые технологии информирования, коммуникации, рекреации, хотя и с оговоркой, что высокотехнологичные проекты затратны для бюджета. С другой стороны, стиль жизни провинциального города в большей степени, чем столичного, предполагает непосредственное общение людей: *«Всегда можно найти какого-то знакомого, который поможет, и всегда можно, так или иначе, навести справки»*. В связи с этим показательно, что опрошенные нами деятели культуры, искусства акцентируют внимание на необходимости добиваться внимания и понимания власти как в деле финансовой поддержки творческих проектов: *«в провинции, где культура особенно зависима от власти, многое зависит от личности руководителя, его коммуникативной активности. Если он узнаваем в мире искусства, если он может договориться с органами власти, то привлечет к созидательной работе гораздо больше замечательных людей»*; так и в деле использования новых информационных технологий для рекламы: *«Нет никакого – ни людского, ни технического, ни финансового ресурса. По этой причине я применяю не просто традиционные технологии, а даже самые старые технологии, одна из которых называется «сарафанное радио»*. Здесь же отмечалась проблема непонимания местными властями различия между культурой в широком смысле и искусством как сферой создания специфических ценностей.

Обозначьте, пожалуйста, Вашу иерархию ценностей. Большинство респондентов на первые места в своей иерархии ценностей ставят здоровье, семейное благополучие и творческую реализацию и только на третьих позициях (и ниже) размещают такие жизненные установки, как образование, карьера и материальный достаток, при этом многие отмечают взаимозависимость ценностных ориентиров. Один респондент предложил вариантом ответа духовное спасение – среди наших вопросов этого не было, но, будучи человеком воцерковленным и, соответственно, верующим, собеседница не просто назвала свой вариант, но поставила его на первое место. Любопытные детали: представитель молодого поколения – человек с так называемой активной жизненной позицией, журналист, но одновременно отец 3 детей, своим руками, трудами формирующий эту сферу, поставил семейное благополучие, а это именно то, что обычно начинают ценить в более зрелом возрасте. В то же время, человек взрослый, достигший высокого профессионального уровня и признания в своей сфере, ожидаемо, но достаточно странно, учитывая возраст и имеющийся шлейф проблем со здоровьем, на первое место ставит творческую самореализацию, – вот что значит то ли привычка, то ли убежденность в правильности выбранной жизненной парадигмы.

Какие состояния характерны для Вас в моменты пребывания в столице? При анализе ответов на этот вопрос мы обнаружили, что у многих, особенно у тех, кто бывает в Москве часто и по делу, энтузиазм отсутствует, респонденты говорят о чувстве раздражения и пси-

хологического дискомфорта: *«Возникает определенная пустота, которая, может быть, ближе к растерянности. И потеря какого-то ощущения времени, наверное. То, что, в какой-то степени, можно назвать пространством»*. Говоря о Ярославле в сравнении с Москвой, герои прибегали к эпитетам «спокойный», «комфортный», «теплый», «родной и родственный», отмечая в то же время, что «для столицы характерна анонимность, препятствующая установлению долговременных и постоянных межчеловеческих связей, «охлаждающая» взаимоотношения, и в то же время, освобождающая людей от взаимной ответственности».

Ряд респондентов указывают на позитивные переживания своего пребывания в столице, испытывая удовольствие от профессионального общения высокого уровня и возможности получить новый опыт в своей профессиональной сфере, чувствуя радость и возбуждение от высокой конкуренции, преисполняясь гордостью и патристическими чувствами, ощущая любопытство и азарт. Вместе с тем, никто из них не испытывает желания переехать жить в столицу.

Интересно сравнить две точки зрения на столицу. Первая представляет собой, так сказать, «взгляд из провинции»: *«Москва начала 70-х, сказочно прекрасная Москва детских грез. Москва 80-х – теплая и домашняя. В ней водился волшебный дефицит: в очередях стояли не только за колбасой, но и за книгами. Москва 90-х – пугающая криминалом, бешенная, жестокая. С начала перестройки я перестала там бывать на долгие десять лет. Москва 2000-х – это моя профессиональная среда: конференции, конгрессы, совещания. Нет ни робости, ни особого пиетета, уважительное отношение»*. Вторая точка зрения – это «взгляд изнутри»: *«Я арбатский мальчик. Я помню Москву конца 50-х – начала 60-х гг., которая мне бесконечно дорога, близка. Но, к сожалению, характерная черта моего восприятия современной столицы, Москвы, – раздражение, <...> мое ощущение, что Москва златоглавая, Москва как столица Руси, Москва как древний город убит псевдоархитектурой и наслоением на величие истории, культуры, значимости русской столицы, <...> стиль исчез»*. Несмотря на различные ракурсы, оба отношения во многом схожи, они представляют собой эволюцию личного восприятия столицы от мифа до реальности, происходящую под влиянием многих факторов – возрастных, профессиональных, исторических.

Кто из наших с Вами современников вызывает Вашу симпатию/одобрение? Многие интервьюируемые отмечали ярославских деятелей: ученых Е. Ермолина, Т. Злотникову («ученый мирового масштаба», «учитель», «благородный человек»), художников М. Жгивалеву, А. Кравцова, Е. Мухину. В числе видных деятелей Ярославского региона были также названы Е. Анкудинова, А. Беляков, В. Гречухин, А. Данилов, Я. Левин, А. Суслов, В. Федюк. Отдельно респондентами были упомянуты выдающиеся представители своей профессии: дирижеры Г. фон Караян, Г. Рождественский, Ю. Темирканов; литературовед А. Кузичева; врач-педиатры В. Таболин («широкие культурные ориентации, замечательное знание истории, преданность профессии и абсолютное бескорыстие в деле науки»),

И. Воронцов (*«истинный петербургский интеллигент, неутомимый, кипучей энергии профессионал»*), Н. Ярыгин, А. Титова, В. Голикова; учителя – Т. Жарова, Г. Изотова, создатель универсального образовательного центра иеромонах Петр (Василенко). Указывались также деятели культуры и искусства: художник И. Глазунов; представители современной музыкальной культуры – пианист Д. Мацуев, рок-музыканты Б. Гребенщиков, А. Иванов, Э. Шклярский. По словам респондентов, гораздо в меньшей степени вызывают симпатию и одобрение представители региональной власти и публичные политики. Среди политиков и общественных деятелей отмечали Ю. Ласточкина, А. Лисицина (*«он умел понимать людей науки и культуры, выглядел компетентно, профессионально»*), Н. Нарочницкую (*«ее доктрина <...> соединение лучших достижений российского консерватизма и лучших достижений европейского либерализма»*). Также (с комментариями типа: *«для меня современники – Пушкин, Чайковский, Моцарт, Шостакович, Малер и уже с ними»*) в этом ряду оказались признанные классики художественной культуры, науки (Ю. Лотман, В. Шкловский, У. Эко), ярославский библиограф XIX в. Е. Якушкин и даже князь Александр Невский.

Востребовано ли в Вашем окружении право на свободу совести и вероисповедания? Все респонденты, обратившие внимание на этот вопрос, ответили на него утвердительно, отмечая возможности, связанные с духовным поиском и духовной самореализацией, а также с расширением межнациональной и межконфессиональной коммуникации. Показательно, что одному из представителей молодого поколения данный вопрос показался риторическим, а представители старшего поколения восприняли его с пониманием.

Наши исследования показывают, что современный житель русской провинции воплотил в себе ряд традиционных признаков русской интеллигенции. Какие из них Вам кажутся наиболее значимыми? Если анализировать ответы по количественному показателю, на первые места респонденты поставили такие качества провинциала, как открытость, патриархальность и привычка сомневаться в своем праве на внимание или материальную поддержку. Также некоторые респонденты отмечают в комментариях, что в провинциальной среде присутствует «маргинальный элемент», и что сама «среда эта может быть достаточно инертна». Один из респондентов, рассуждая о ментальных характеристиках российской провинции (обозримость и замкнутость культурного горизонта; близость культурных процессов к человеку, а человека к природе; включенность явлений культуры в повседневное бытие провинциального общества; неадекватность оценок; повышенная эмоциональность, яркость впечатлений; консерватизм вкусов; резкий контраст психологических реакций), отметил, что провинциальная ментальность сейчас «остается достаточно безынициативной». Вместе с тем, в ответе другого респондента прозвучала мысль, что в культурном поле провинции сейчас все заметнее становятся люди «открытые, смелые, желающие изменить мир к лучшему, придерживающиеся принципов и даже готовые взять на себя роль лидеров

общественного мнения», которые чувствуют свою самодостаточность и возможность реализации именно здесь. Думаем, что наличие таких противоположных позиций обусловлено самоощущением и самоидентификацией интервьюируемых.

Как Вы трактуете термин «глобализация» применительно к культуре? В ответах респондентов на этот вопрос соединились две позиции: глобализация как нивелирование культурного своеобразия, с одной стороны, и глобализация как средство расширения культурного пространства и увеличения возможностей выбора – с другой. Вместе с тем, высказывались опасения о возможном негативном влиянии глобализационных процессов на провинциальные локусы: *«В какой-то степени глобализация – это хорошо. Это предполагает широкое представление о мире. Но все-таки для России характерно малое: семья, деревушка, в которой ты живешь. Для русского человека глобализация – это очень тяжело и может быть чревато неприятными последствиями»*. Иначе рассуждает профессионал, сфера деятельности которого связана с репрезентацией художественного наследия в широком мультикультурном поле: *«Нужно постоянно встраиваться в глобальную культуру, искать контексты для своего текста. Сейчас границы объективно устранены, провинциату не нужно возводить искусственные в своем сознании», современному провинциальному зрителю предоставлена возможность «в зеркале местной культуры разглядеть весь мир, а потом поехать в путешествие и дополнить свои впечатления»*.

Какое суждение точно отражает негативные либо позитивные особенности провинции? Большинство респондентов согласилось с цитатами Д. С. Лихачева «Россия возродится провинцией» (4 голоса) и В. О. Ключевского «В России центр на периферии» (3 голоса). Думаем, это обусловлено, во-первых, стабильной укорененностью опрашиваемых в провинциальном локусе и, во-вторых, их стремлением искать позитивные основания жизни и культурной самоидентификации. Высказывания героев в основном сводились к размышлениям об особенностях русской провинции: *«У провинции характер сильный и ровный, нервы крепкие, память долгая. В провинции особая красота и архитектуры, и природы»* и провинциалов: *«У провинциалов есть стили, огромная созидательная энергия, впрочем, иногда она превращается в самоуверенность»*. Но и здесь, несмотря на выбор высказываний с жизнеутверждающими коннотациями, прозвучала свойственная провинциалу нотка сомнения, что русская провинция в настоящее время *«переживает не лучшие времена»*. Одному респонденту понравилась цитата Г. П. Федотова *«За что Россия любила Москву? За то, что узнавала в ней себя. Москва охраняла провинциальный уклад, совмещая его с роскошью и культурными благами столицы. На нем лежит печать светлой наивности, доброй здоровой лени»*, а вот с критической оценкой русского провинциального города, данной А. П. Чеховым (*«грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен»*) не согласился никто из респондентов. Двое интервьюируемых сочли, что ни одно из этих суждений не отражает главных (позитивных и негативных) особенностей российской провинции.

Обозначьте, пожалуйста, свое представление об иерархии влияний на современную российскую культуру со стороны разных национальных традиций. Респонденты на первые места ставили византийскую культуру и западную культуру (в целом, как совокупность североамериканской и европейской культур). Причем, почти все отметили противоположные векторы влияний данных культур: если византийские культурные традиции реализуются в сакральном пространстве современной отечественной культуры, оказывая опосредованное влияние через общие жизненные ценности и ментальные установки, то Запад воздействует, в первую очередь, через массовую культуру, экспансивно, путем активных заимствований, в том числе, в основополагающей культурной сфере – языковой.

Видите ли Вы возможности применения своих профессиональных умений в том городе/регионе, где работаете в настоящее время? Наши герои – люди успешные, с состоявшейся профессиональной реализацией, а потому закономерно, что все они положительно ответили на данный вопрос. Важная, на наш взгляд, деталь – многие из респондентов, имеющих отношение к профессиональному образованию в своих сферах, отмечали, что и для будущих специалистов открываются реальные возможности осуществить профессиональную карьеру в своем регионе: *«Современные студенты и энергичны, и талантливы <...> все больше выпускников медицинской академии остается в профессии, если сравнивать с провальными девяностыми. И все чаще, наблюдая их, выступающих на конференциях, медицинских форумах, думаю: “А ведь хорошая смена, талантливые доктора”. Сегодня истонченная было среда, снова приобретает прочность, преемственность не теряется. Для этого важны не только профессиональные условия, но и общекультурный слой. В Ярославле он очень глубокий».*

Хотелось ли бы Вам переселиться в другой регион, не столичный? Никто из респондентов не хочет навсегда менять место жительства, от переезда удерживают родственные и профессиональные связи, любовь к родному (или ставшему родным) городу, привычка, наконец: *«Ярославль роднее, ближе и комфортнее. Ярославль – родной и красивый город, и только ради этого стоит в нем оставаться».* Нельзя утверждать, что такая территориальная стабильность – это именно провинциальная черта, скорее, привязанность к месту жизни – это общерусская особенность. Что касается тех регионов, которые респонденты указывали как интересующие для временного пребывания, то им «хотелось бы пожить» в Санкт-Петербурге, Белгороде, Костроме, Плесе, Юрьевце, Вологде, Калининграде, в Сибири, на Урале.

Оцените, пожалуйста, свою «персональную экологию». Обращает на себя внимание единомыслие, которое наши герои проявили при ответе на эту группу вопросов. По мнению большинства респондентов, доход в 20 000–30 000 рублей является необходимым для жизни одного человека в Ярославской области, а сумма 30 000–50 000 рублей на человека достаточна для довольно комфортной жизни. В спектр наиболее значимых расходов все опрашиваемые включили материальные издержки на жилье и питание, следующим пунктом

многие назвали транспортные расходы и путешествия, завершали перечень траты на книги и концерты. Основным источником своих доходов все респонденты назвали заработную плату (свою и членов семьи).

Предложите иерархию источников влияния на формирование личности современного российского провинциала. Важный вывод, который позволяет сделать анализ ответов на данный вопрос – подчеркивание всеми респондентами роли массовой культуры как основного фактора влияния на современного человека: *«Главный воспитатель сегодня – телевизор, главный ориентир – “элита” шоу-бизнеса!».* Следующими источниками называют, соответственно, **образование**: *«Образование сейчас на низком уровне находится <...> литература и русский язык, “опущены ниже плинтуса”.* Два часа в пятом классе – это вообще абсурд, это уничтожение понятия литература»; **субкультуру**, имея в виду окружение, профессиональное сообщество, семью, но не только: *«Если мы говорим о молодежной среде, то здесь влияние субкультур резко выросло. И не столько субкультур в традиционном понимании, сколько квазирелигиозных структур, как, например, неоязычество. То есть когда уже субкультура переходит из своего пространства в иное пространство. Это очень серьезное влияние, причем очень опасное»; этнические стереотипы.* На последних местах в иерархии источников влияния на формирование личности современного российского провинциала были названы классическое искусство и религия.

Кого Вы можете причислить к элите? Размышляя над этим вопросом, респонденты обращали внимание на девальвацию понятия «элита» в современном обществе: *«Понятие элиты настолько стерлось, трансформировалось, что каждый раз испытываешь неловкость от упоминания номинантов на это высокое звание <...> Элита – интеллигенция, профессура наших ведущих вузов, представители творческих профессий. Элита – те, кого уважают».* Скорее всего, по причине обесценивания понятия «элита», один из респондентов предпочитает заменять его понятием «интеллигенция». Половина наших героев склонна относить себя к элите, в связи с этим мы получили следующие комментарии: *«Себя – да, конечно. Кто элита любого нормального общества? Врачи и учителя, люди образования, науки, культуры»; «Этот статус я приобрела, получая образование, занимаясь общественной и политической деятельностью»; «Вольно или невольно, но я принадлежу к провинциальной элите как общественный деятель, как медийное лицо, сотрудник СМИ».* Другая половина скромно не видит оснований считать себя элитой, называя данным понятием общеизвестных выдающихся деятелей (например Д. С. Лихачева). В ракурсе настоящего исследования любопытны трактовки понятия «элита», данные нашими героями, в контексте дихотомии «столичное – провинциальное»: *«Элитарность – не популярность, это следствие общественного признания, это звание равно доступное и провинциалу, и столичному жителю»; «Элита задает планку культурного развития, удерживает ее, дает обществу образцы творчества и поведения. Элита не делится на столичную и провинци-*

альную, здесь все прочие признаки не работают. Элита – источник и хранитель национальной культуры».

Какое из явлений, событий, зданий, других элементов современной социальной и культурной жизни России могло бы, на ваш взгляд, стать ее символом?

Рассуждения респондентов на предложенную тему шли разными путями, суммируя, их можно свести к нескольким сторонам данного вопроса. Во-первых, духовный аспект: в качестве символов России и Ярославля респонденты называли «древнюю русскую традиционную красоту и глубину», «сосредоточенность народа <...> человек культурный это значит осознающий ценностный ряд или ценности как таковые». Во-вторых, материальный аспект – респонденты в связи с этим называли различные культурные и природные объекты и достопримечательности: провинциальные – Стрелка, река Волга и набережная, центр города Ярославля, художественный музей, Толгский монастырь, театр им. Ф. Волкова, Спасо-Преображенский монастырь (музей-заповедник) и медовница Маша, часовня Александра Невского; столичные – храм Василия Блаженного. В-третьих, общественно-политический аспект: «Все что выражает конфликт формы и содержания, декларируемого и реального, и при этом неизменности при постоянном движении. Таким символом мог бы стать, скажем, Российский гимн или реформа ЖКХ, или Синий камень в Переславле»; «Два взаимоисключающих явления – это «сердюковщина», как пример абсолютного произвола, причем в утонченной форме. С другой стороны, я бы, конечно, взяла Свято-Алексиевскую пустынь – это, действительно, символ России». В-четвертых, профессиональный аспект: в качестве бренда города Ярославля проект «Библиоград Ярославля», «Именно Ярослав Мудрый был создателем первой на Руси библиотеки»; классическое образование.

Вам известно, что изображено на российских купюрах достоинством в 500 рублей и 1000 рублей? Все респонденты знали, что тысячерублевая купюра посвящена городу Ярославлю, а вопрос об изображении на купюре достоинством 500 рублей почти у всех вызвал затруднение. То, что респонденты не знают, кто и что изображено на деньгах, на наш взгляд, может быть обусловлено рядом факторов. Возможно, это пренебрежение к материальным ценностям или отсутствие любопытства по отношению к обыденным деталям жизни. Может быть (и, наверное, достаточно часто), застенчивость, мол, что это я буду разглядывать деньги, причем крупные купюры.

Какие сферы жизни Вашего – типичного русского города – Вы считаете наиболее перспективными для самореализации молодежи? Большинство респондентов (4 человека) в качестве приоритетной сферы самореализации назвали финансы и бизнес. На втором месте (3 человека) – сфера туризма. Противоречивые оценки вызвали сферы промышленности, образования и медицины – одни респонденты говорят о них как о перспективных сферах, другие утверждают, там перспектив нет. Так, рассуждая о состоянии промышленности в Ярославле, один респондент заметил, что «сейчас вокруг Ярославля активно развиваются новые заводы, строятся предприятия, и уже имеющимся заводам требуются

новые квалифицированные кадры», другой респондент, в духе постсоветского пессимизма, заметил: «Погубили мы промышленное производство, была бы большая сфера». Реже и на более низких позициях отмечали такие сферы, как общественная деятельность и социальное обслуживание.

Что Вам нравится или чем Вы гордитесь в «Вашей» провинции? Помимо ожидаемых ответов на этот вопрос (люди, культура, история, архитектура, факт основания первого русского драматического театра), были даны развернутые лично окрашенные комментарии: «Мне нравится ощущение определенной свободы. Мне нравится возможность перейти из одной части города в другую пешком, даже если у тебя нет денег. <...> Чем можно гордиться, гордиться, – конечно, можно нашим великим наследием».

В заключение подчеркнем, что заинтересованность респондентов предложенными вопросами, их отзывчивость и доверительная тональность бесед, а также пропорциональное сочетание в ответах героев объективных конструктивно-аналитических высказываний и субъективных эмоционально-личностных реакций позволило сделать ряд нетривиальных наблюдений и новых выводов по актуальной проблеме самоощущения личности в пространстве современной российской провинции.

Библиографический список

1. Густякова, Д. Ю. Модель культуры русской провинции: социокультурное исследование в имперсональном и персональном дискурсах [Текст] / Д. Ю. Густякова, Е. А. Шахова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. – Т. 1. – С. 225–229.
2. Злотникова, Т. С. Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования) [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, М. В. Новиков // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – Т. 1. – С. 218–223.
3. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах [Текст]: коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, М. В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – 292 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Gustjakova, D. Ju. Model' kul'tury russkoj provincii: sociokul'turnoe issledovanie v impersonal'nom i personal'nom diskursah [Tekst] / D. Ju. Gustjakova, E. A. Shahova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – № 3. – Т. 1. – С. 225–229.
2. Zlotnikova, T. S. Chelovek v sovremennoj rossijskoj provincii (konceptija i napravlenija sociokul'turnogo issledovanija) [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina, M. V. Novikov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 3. – Т. 1. – С. 218–223.
3. Model' kul'tury russkoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizacionnom diskursah [Tekst]: kolektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinov, N. N. Letinov, M. V. Novikova. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2013. – 292 s.